

ЖИВАЯ СИСТЕМА (КОММЕНТАРИЙ А.В. СУВОРОВА К ДОКЛАДУ Э.В. ИЛЬЕНКОВА «К РАБОТЕ МЕЩЕРЯКОВА»)

А.В. СУВОРОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: asuvorov@yandex.ru

Для цитаты: Суворов А.В. Живая система (Комментарий А.В. Суворова к докладу Э.В. Ильенкова «К работе Мещерякова») // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 175—179. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290411>

LIVING SYSTEM (COMMENTARY BY A. V. SUVOROV TO THE REPORT BY E. V. ILYENKOV “TO THE WORK OF MESHCHERYAKOV”)

ALEKSANDR V. SUVOROV

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
e-mail: asuvorov@yandex.ru

For citation: Suvorov A.V. Living System (Commentary by A. V. Suvorov to the Report by E.V. Ilyenkov “To the Work of Meshcheryakov”). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 175—179. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290411>

Памятка для устного доклада Эвальда Васильевича Ильенкова «К работе Мещерякова» очень ясно отвечает на вопрос, которым после его

смерти многие задавались, в том числе и его последователи: что могло привлечь философа в работе психолога, руководящего Загорским экспериментом, т. е. психолого-педагогическим процессом Загорского детского дома для слепоглухонемых? (Так он назывался официально с момента открытия; сейчас — для слепоглухих, потому что на самом деле далеко не все слепоглухие — немые, и когда таких позднооглохших слепых, как я, обзывают с разбега, по привычке, слепоглухонемыми, нас это очень обижает и злит.)

Я склонен думать, что главная книга Э.В. Ильенкова — «Об идолах и идеалах», потому что стержнем, ядром, центром всего его теоретического творчества является *восхождение к личности*, гармонично и все-сторонне развитой. Как возможна такая личность? Каков путь, маршрут восхождения к ней?

Именно *восхождение к личности*, потому что становление личности происходит именно по диалектическому закону восхождения от абстрактного к конкретному, по закону, обоснованию которого посвящена первая книга Э.В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». Эта книга предредила творческую встречу Эвальда Васильевича Ильенкова с Александром Ивановичем Мещеряковым, их творческое содружество, настолько тесное, что Эвальд Васильевич принял непосредственное участие в Загорском эксперименте, особенно в организации и руководстве обучением четырех слепоглухих воспитанников Загорского детдома на факультете психологии МГУ. Практически помогая А.И. Мещерякову на итоговом этапе Загорского эксперимента, Э.В. Ильенков как теоретик непрерывно думал об исходном его этапе — о самом начале восхождения к личности. И это видно, в частности, и из памятки к докладу «К работе Мещерякова», посвященной в основном диалектике речевого развития ранооглохших — с рождения или с очень раннего детства, — слепоглухонемых.

При чтении памятки мое внимание прежде всего приковали размышления Ильенкова о том, что любой язык — жестовый или словесный — это не случайный набор, не сколь угодно огромный «запас» жестов или слов, а восходящая в своем развитии от абстрактного к конкретному *живая система*. Любой язык, не только жестовый, это, пишет Ильенков, «система, находящаяся в процессе саморазличения». С самого начала — система, развивающаяся по мере конкретизации отношений субъекта с реальностью. Развитие системы — «это всегда процесс выделения в составе суммарного действия его деталей. От абстрактного к конкретному», от зародыша, клеточки — к «организму». От всеобщего — к подробностям.

«Система значений» (сначала жестов, потом слов) растет именно как система, а не как коллекция «значений». Поэтому-то слова и становятся сразу же в определенные грамматические и логические конструкции,

схемы, их не приходится потом «связывать» особо. Напротив, все идет по линии выделения, анализа сложного психического образования, а не по линии синтеза такового из разрозненных «простых».

Анализ целого на части, а не механическая сборка, синтез частей в целое. Конкретизация от целого к частям, а не абстрагирование от частей к целому. Помню это со студенческих лет: механический принцип — от частей к целому, сборка целого механизма из комплекующих; органический принцип, в живой природе — рост организма из зародыша. В данном случае — рост речевого «организма», «организма» общения.

Ильенков ищет диалектический переход от первоначальных жестов к первоначальным словам, от удовлетворения физиологических нужд и сигнализации о них первоначальными жестами — к превращению физиологических нужд в человеческие, культурные, потребности, и обо_ЗНАЧ_ению их _ЗНАК_ами — словами. А я, следя за его мыслью, думаю о том, что тут-то психолого-педагогическая практика и спотыкается. Не потому ли, что жестовая и словесная речевые системы совершенно разные? И если сразу вместо жестов нельзя давать слова, тем более громоздким дактильным (пальцевым) алфавитом, то и позволить жестовой системе чересчур уж «конкретизироваться» в родной язык, в основное средство общения, тоже ни в коем случае нельзя. Между тем стихийно такая «конкретизация» происходит так быстро, что не успеешь оглянуться, как перекресток, на котором следовало свернуть к «конкретизации», развитию системы слов, а не жестов, оказывается далеко позади. В подавляющем большинстве случаев специалисты стоят перед фактом, что этот «перекресток» учениками давно пропущен еще до попадания в руки специалистов. И приходилось (в 1970-е годы во всяком случае) объявлять жестам беспощадную войну не на жизнь, а на смерть, запрещать их, силой заставлять учеников пользоваться только словами, ни в коем случае не жестами.

Война, потому что Эвальд Васильевич не раз мне говорил, что на жестовый язык ни Достоевского, ни Гегеля не переведешь. Не знаю уж, как священники переводят на жестовый язык церковную службу... Пересказ текущего действия, но никак не перевод Библии... Впрочем, многие глухие и слепоглухие более или менее все же владеют русским языком, им даже предлагают во время службы роль чтецов библейских отрывков...

Конечно, насильно мил не будешь, и на практике специалисты общаются с глухими и слепоглухими учениками на их родном — жестовом — языке, а любому словесному — русскому, немецкому, английскому — учат как иностранному. Какой уж там Гегель и Достоевский, их далеко не каждый и зрячеслышащий читает, не до жиру, быть бы живу... А духовное развитие — ну какая вам еще духовность нужна, вот же храм, а в нем глухие, слепоглухие и пастыри, владеющие и жестами, и дактиль-

ным (пальцевым) алфавитом. Но я лично, хоть и знаю тексты Библии (Ильенков первый и начал меня с ними знакомить, цитируя в письме ко мне «Экклезиаста»), на церковной службе только присутствую, а то и попросту сплю, и что такое литургия, так и не понял.

«К работе Мещерякова» — всего лишь памятка, в которой подразумевается неизмеримо больше, чем формулируется. И с ильенковской концепцией интуиции лучше знакомиться по третьему тому его собрания сочинений, по знаменитой работе «Об эстетической природе фантазии» и ее варианту в книге «Об идолах и идеалах», главе «Что на свете всего труднее?». Ту интуицию, которую проявила Юлия Виноградова, вылепив после прогулки овраг, я в детстве тоже проявлял: соорудил из конструктора Хотьковский железнодорожный мост, который как-то весь облазил на прогулке. Пишу про такую интуицию, хоть и с улыбкой, но без кавычек: действительно, воплотить ощупывание всем телом в точный образ — это не так-то просто.

Читая в студенческие годы книгу Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона», главу про водяных землероек, я недаром узнал в этих зверьках себя. Это я лазил с ориентировочной тростью слепых во все тупики, не позволяя окружающим зрячим услужливо вести меня по прямой в полную неизвестность. Изучив тупики, я сам оптимизировал постепенно свой маршрут. И до сих пор так хорошо помню, что могу подсказывать зрячим сопровождающим, которые сейчас возьят меня в инвалидной коляске, куда и где повернуть. Лоренц пишет, что водяные землеройки, пока не сориентируются, еле ползают, ощупывая обстановку буквально миллиметр за миллиметром. Зато потом носятся по изученным маршрутам с огромной скоростью. Но Лоренц однажды убрал с их дороги кирпич. Первая же водяная землеройка, подпрыгнув и плюхнувшись в воду, вернулась туда, где знакомый маршрут обрывался, и начала методично ощупывать дорогу в поисках знакомого продолжения пути. Найдя его и соединив концы разорванного маршрута, она снова понеслась по знакомой траектории с огромной скоростью. Совсем как я... много лет назад, в молодости...

Это действительно интуиция — создавать и хранить в памяти пространственные, да и любые другие, образы. И опознавать их по немногим сигнальным признакам (см. статью А.И. Мещерякова «О вероятностном характере восприятия»).

А вся невербальная ориентировка слепоглухих, определение эмоционального состояния и просто физического самочувствия собеседника, прикоснувшись к его руке? К тебе прикоснулись, взяли твою ладонь в обе свои, и ты сразу определяешь, что этот человек очень добрый, нежный, деликатный. Что это, если не интуиция? А как я злился когда-то, что-то рассказывая, а меня в самый патетический момент начинали поглажи-

вать по руке? Я тут же терял связь речей, и эти ситуации заставили меня сформулировать, что для слепоглухих нет случайных, ничего не значащих, движений собеседника. Пусть безотчетно, однако собеседник всегда о себе что-то мне сообщает. Эмоции — не просто фон, а контекст, еще одна система общения, развивающаяся от абстрактного к конкретному, к тончайшей иногда чуткости, а не «чувствительности». Культура чуткости, когда на самом деле единственный орган чувств — именно интуиция.

Когда недавно овладевший дактилогией (пальцевым алфавитом) мой друг сказал однажды, что он дактильно «пишет», я поправил его:

— Ты не пишешь, а говоришь! Это прямое, непосредственное общение, хотя и по законам письменной речи!

Информация об авторах

Суворов Александр Васильевич, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарного образования инвалидов, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: asuvorov@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr V. Suvorov, Doctor of Psychology, Leading Researcher, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, e-mail: asuvorov@yandex.ru

Получена 05.05.2021

Received 05.05.2021

Принята в печать 01.11.2021

Accepted 01.11.2021